

Султанова (Сергеенкова) Валентина Михайловна, 1947 г.р., с.
Щербаково, Красногвардейский район, Крымская область.

Интервью записано 9.08.2005 пгт Красногвардейский АРКрым.

Собиратели: Т.В. – Татьяна Величко

О.Ф. – Оксана Филичева

Респондент: В.С.– Валентина Султанова

Продолжительность интервью – 1 час 40 мин.

В.С.: Что Вы хотите?

Т.В.: А Вы нам напомните, как Вас зовут.

В.С.: Валентина Михайловна.

Т.В.: И фамилия?

В.С.: Султанова.

Т.В.: Султанова. А в девичестве?

В.С.: Сергеенкова.

Т.В.: Какого года?

В.С.: 47-го.

Т.В.: И откуда?

В.С.: Я вот родилась, девочки, здесь вот, 3 километра отсюда есть село Щербакова. Но вообще детские свои маленькие мои года, до школы, прошли вот в селе Красная долина, это вот возле реки Салгирь. Видели, вот наша... в зале природы у нас диагара. Так вот это место, где я родилась. Вот точно художник сделает место, я попросила. Так вот, моя малая Родина. У нас там река Салгирь протекает. Вот природа более лучше, чем здесь. У нас в Красногвардейске, Курман по-татарски, вот так по старинке его и называют - Курман-Кемельчи. И вот буквально месяц тому назад я еще считала, как во всех источниках, что Курман-Кемельчи – это «непросьхающая лужа». А вот принес мне наш краевед Линевиц, у нас есть очень интересный человек, он сейчас в командировке. Если он придет, я могу Вам дать телефон его, созвонитесь, он вам много интересного расскажет о нашем районе. Он так же, как Готовчиков, так как Пономаренко. Ну, в общем, у нас тут очень много интересных людей. Так вот Курман-Кемельчи я считала «непросьхающей лужею», а он мне принес из архива документ, что это «трехструнная скрипочка». Совсем другое поэтическое название, с тюркского означает. Вот сейчас я как раз готовлю стенд, могу Вам показать, если хотите, карту и наш... Если вам интересно.

О.Ф.: Конечно! А как называлось, Красная?

В.С.: Красная долина. Красная долина. Вот смотрите, какая! Это вот наш поселок в 1917 году. Это деревня Курман-Кемельчи. У нас здесь жили в основном немцы, чехи, евреи, ну русские, украинцы. Маленькое было такое село. Ну, уже у нас была вот школа. Смотрите, какая интересная фотография. 1913 год. Смотрите, какой благообразный священник. И учитель Владимир Иванович Нестер вот. Так вот, я же Вам другое хотела показать. Я Вам хотела показать карту.

О.Ф.: А вот откуда были вот эти немцы, чехи, евреи?

В.С.: Это были переселенцы. Вот когда Крым присоединили к России в 1783 году, тут же жили... Крымское ханство было. Вот и татары, богачи в основном, все переселились в Турцию. И вот это, Степной Крым обезлюдел. А здесь же земля все-таки хорошая, хотя и без воды. Колодцы рыли, конечно, глубочайшие тогда. Канала не было тут. Тяжело было заниматься сельским хозяйством. Вот и стали приглашать, Екатерина Вторая стала приглашать переселенцев со всех стран: немцев, чехов, эстонцев вот. Из Киевской губернии переехали евреи сюда. Вот с Украины. Стали из Белгородской. Из Курской русские переезжать сюда. То есть у нас здесь образовывается такой, ну,

многонациональный состав. Тогда наш район входил в Перекопский уезд. Мы относились к Перекопскому уезду. И вот село наше было маленькое тогда. Вот смотрите карту. В 1865 году в списках населенных пунктов Российской империи: 18 дворов, 45 мужчин и 49 женщин. И тогда женщин было больше. Видите, вот? А вот Бию-Конлар, это Октябрьское, здесь вот 25 км, деревня насчитывала 18 дворов и 130 жителей. Даже побольше было.

О.Ф.: И впервые она упоминается в 1805 году?

В.С.: В 1805 году. Да, Октябрьское раньше.

Т.В.: Можно я Вам, да?

О.Ф.: Таня будет фотографировать Вас.

В.С.: Меня?

Т.В.: Да.

В.С.: Девочки, я не фотогенична.

О.Ф.: И фотографию...

В.С.: Вот фотографию, да.

Т.В.: Можно я потом в конце?

В.С.: Хорошо.

О.Ф.: А Вы не знаете вот, может быть. Кто-то рассказывал, как общались вот эти переселенцы приехавшие? Вот на своем языке в основном говорили?

В.С.: Ну, они, конечно, все говорили на своем, они же не знали языка. Я... Сейчас жарко, я бы Вам дала сделать ксерокопию, но я сейчас дала учительнице из петровской 2-ой школы. Я вот собрала материал по чехам, немцам, таки мне общества дали, эстонцам. Там с фотографиями. Вот у нас в Краснодарку... В Краснодарке Вы были уже там? Вы слышали о ней? Нет. Вот там у нас было самое большое поселение эстонцев. Вот и ... Что мы говорили? А. Я ж Вам карту хотела показать. Вот смотрите, девочки. Вот у нас приложение к документу. Вот Перекопский уезд. Вот колония чехов из Богемии. Вот табор. А вот Курман-Кемельчи. Видите?

О.Ф.: Угу.

В.С.: Вот это год 1863 первый раз упоминается, да. И количество всего наделов 878, видите?

Т.В.: Угу.

В.С.: И десятин 44. Вот. Вот это. А вот смотрите, карта. Вот первое название еще Кемельчи. Где тут у нас, смотрим. Кемельчи, Кемельчи... Где-то ж я еще видела. Кибчак, Кибчак... Так, сейчас мы читаем.

О.Ф.: А Вы вот не слышали, школы были тогда? И на каком языке преподавали в школах?

В.С.: Значит, немецкие – на немецком, эстонские – на эстонском, русские – на русском. Каждый на своем языке преподавали. Из каждого вот, каждая община имела приезжих. К эстонцам приехал эстонский вот этот учитель. Их Чехии – чешский. Вот если еще Вы ко мне будете иметь возможность зайти, я вот сегодня позвоню Валентине Петровне, и она принесет материалы. И я Вам дам, если хотите, даже ксерокс. Вот.

О.Ф.: А вот в плане религиозности там ведь все...

В.С.: Вот я Вам сейчас покажу. У нас в Александровке, есть вот тут 18 км, вот современное состояние костела. Вот так он выглядит.

О.Ф.: Угу.

В.С.: На той фотографии, где вот я отдала сейчас, там замечательнейший. Богатейший вот этот костел был. Построили его немцы и чехи. Немцы были богатые, а чехи были бедные. Но строили вместе и та, и другая община. Вот. А вот эта. А вот он еще, костел. А вот немецкий дом в Александровке, современное состояние, вот. Вот тут у нас немцы. Вот видите, мы от евреев отходим. По евреям как-то меньше материала. Вам же больше интересно по евреям?

О.Ф.: А Вы слышали вот что-нибудь про синагоги евреев?

В.С.: А вот я Вам покажу вот синагогу. Видите?

О.Ф.: Так.

В.С.: Вот она была вот здесь.

О.Ф.: В плане, да?

В.С.: В плане. Вот здесь была вот где парк наш, вот где танцплощадка. А, Вы не знаете.

Т.В.: Но обязательно посмотрим.

В.С. Да, вот где белый дом, вот наше административное здание, да? Вот не доходя, на месте вот этого административного здания была церковь, православная церковь. Вот, к сожалению. Я вот попросила женщину религиозную, чтобы она мне историю нашей православной церкви рассказала. Но она мне пока что этот материал не принесла. А м-м-м построила, построил ее эту церковь православную Люстих. Была такая немецкая помещица, у нее было в Клепинино поместье очень большое. Там у нее был приют для бедных детей, милосердная была женщина. И вот на ее средства на средства ее отца была построена эта православная церковь еще до революции. А вот рядом, видите, вот церковь. Вот она, видите?

Т.В.: Угу, угу.

В.С.: А вот синагога.

Т.В.: Угу. Где она была синагога? Я так поняла, она не сохранилась. Или сохранилась?

В.С.: Нет, она не сохранилась совершенно. Церковь у нас, эта вот наша церковь была разрушена в 57 году. Она была превращена в спортивный зал. Там рядом школа и мы еще ходили туда играть в баскетбол. Там занимались спортом вот в этой церкви бывшей. А церковь красивая была.

О.Ф.: А старые люди не говорили. Что вот?..

В.С.: Говорили.

О.Ф.: А что говорили?

В.С.: А, ну, они же возмущались. Рядом же был дом священника. Мы ж еще и бегали. Я вообще люблю очень. Вот 19-го будет праздник же Яблочный Спас. Мы ходили всегда святить яблоки. Я была тогда, помню, во втором классе. И всегда пионервожатая уже проходит с учителями: «В церковь не заходили?» Прямо на улице священник ходит, обливая водой. Нам это так интересно. Вот. А пионервожатая, учителя уже ходят дозором. Кого увидели – все. Тех наказали, за ухо вывели, чтобы мы не ходили вот, это не святости. И вот церковь эту разрушили, колокольню сбросили.

О.Ф.: Местные или кто?

В.С.: Вы знаете, я ж была маленькая и что-то вот не знаю, как это происходило. Сама я во время разрушения церкви не присутствовала. Вот, когда именно снимали колокол, крест. Я вот этого почему-то не помню. Но то, что потом там был спортивный зал и сама я в нем занималась какое-то время, это я помню. Там была ограда вокруг этой церкви. Моя бабушка, она свя...она такая верующая была, она ходила туда постоянно. И меня как-то туда немножко посвящала. Ну, я была активистка, пионерка такая. Вообще родители были у меня коммунисты-атеисты. Вот. Так что вот к Богу я пришла уже вот сейчас. И то я в церковь не хожу, честно скажу, в нашу. У нас такая на Петровке церковь, из конторы сделанная, вот. Поэтому, вот... Когда я бываю в Симферополе или там у меня сын в Москве, тогда я хожу.

О.Ф.: А Вы, когда колокол снимали, Вы не видели, но бабушка, наверное, говорила или кто-нибудь из пожилых, что же с теми людьми будет?

В.С.: Ну да, конечно. Женщины и мужчины, туда ходили и мужчины, не только женщины. Конечно, они возмущались. Они даже плакали, они крестились. Куда вот подевался этот священник. Вот жаль, что поумирали те учителя ниши старые, которые... Ну, священник сам, понятно, что раз он существовал, раз он работал, ясно, что он сотрудничал с советской властью, иначе бы он не стал работать там, вот. Я помню, что

наш учитель географии Шулинев, царство ему небесное, он очень с ним дружил, с этим священником. Очень такой, знающий священник, он знающий человек, конечно. И они постоянно вели идеологические какие-то споры. Я помню, что даже вот еще я была, ну, десяти-одиннадцати лет, что они там дискутировали о Боге, о сотворении мира. О таких проблемах они все время разговаривали. Но и в то же время у них были хорошие такие дружеские отношения.

О.Ф.: А вот иконы куда делись, когда церковь?..

В.С.: Иконы? Разобрали люди. Часть утвари забрали в Симферополь. В Симферополе же сохранились Кафедральный собор, там же церкви сохранились. И вот все это можно увидеть. Вот я просила эту женщину узнать, где все. Там были, ну, золото, не было, конечно, золота. Серебряная старинная утварь. Вот я помню, что церковь была красивая. Вот поэтому я думаю, что часть, может быть, даже... Здравствуйте! (Ответила кому-то на приветствие). До свидания, Наташ! Я хотела спросить, это же мы...

Т.В.: Церкви.

В.С.: Так, а что мы говорили о церкви?

Т.В.: Вот мы говорили об иконах.

В.С.: А.. До свидания, Наташ! Значит, ну вот, церковь развалили, и я сейчас вот хочу сделать, потому, что вот стенд буду делать по костелу немецкому, чешскому. Там по мечети у нас есть материалы. А вот по православной церкви, надо же, она же была, она же давала какое-то духовное развитие людям, поэтому надо. А вот про синагогу, вот это я не знаю, девочки. Ну, может быть, вот Татьяна Григорьевна расскажет.

О.Ф.: А бабушка Ваша ничего не говорила, бывало такое?

В.С.: Дело в том, что бабушка она сюда переехала в 53-м году с Украины, Херсонской области. Поэтому то есть мои родители не коренные здесь, они сюда переехали, мама моя и ее родители сюда переехали в 34-м году. Вот во время голода, вот голод был. Они с Херсонской области переехали сюда. А отец, он у меня из Курской губернии был, появился здесь во время войны. Он освобождал Крым в 44-м году. Он здесь остался, его здесь оставили на службе. Они с мамой поженились и вот так они стали коренными жителями Крыма. Ну, а я уже считаюсь коренной, потому, что тут родилась и мои дети родились. А внук уже россиянин, москвич. Так что вот так у меня, девочки, дела обстоят. Вот. И у нас интересные истории нашего района. Но надо сказать, к сожалению, что вот усилия наших краеведов они как-то розрознены. И вот, или не надо этого говорить?.. Вы где это будете?..

Т.В., О.Ф.(вместе): Нигде, для себя.

В.С.: Для себя?

О.Ф.: Для себя.

В.С.: А начальству?

О.Ф.: Нет-нет-нет.

В.С.: Нет, да? Потому что, честно Вам скажу, наш музей должен был открыться еще в 1960 году. И никому нет до него дела. И вот это если бы не энтузиазм людей таких, как я и других людей, которые хотят что-то сделать, то наши бы дети ничего из истории района не знали. Так что вот пытаемся делать, но трудно, очень мало финансировангия. Видите, бедный музей.

О.Ф.: А можно вот по карте Вас спросить?

В.С.: Давайте.

О.Ф.: Просто здесь у Вас получается так, что один район был как бы вот русским, ну украинским, белорусским.

В.С.: Да-да-да.

Т.В.: Христианским.

О.Ф.: А другой район, вот где... еврейским. А как-то называли это по-особому?

В.С.: А вот это чешский.

О.Ф.: То есть получается все полосами, да?

В.С.: Да!

О.Ф.: То есть сколько их было районов?

В.С.: Ну, вот получается три. Наверное. Тут немцы еще были, евреи, немцы, вот чехи. Но тут они вот, знаете, чехи и тут же русские есть. И русские есть, и украинцы есть. Видите?

О.Ф.: А как-то вот специально районы, ну, между собой, например?

Т.В.: Какие-то названия были?

В.С.: Ну, улицы. Таких вот, ну улицы современные?

О.Ф.: Да-да.

В.С.: тогда не было улиц, потому, что село было маленькое. Вот центр вот где парк – это его центр. Вот он проходил, да, ну Вы ориентируетесь уже немножко по поселку?

Т.В.: Да, конечно.

В.С.: Да? Вот до больницы... Где больница, знаете? Вот туда он доходил. Вот это наши улицы. И вот здесь доходил до перехода на Пер=тровку. Вот мимо почты идете на Петровку по переходу. Вот это был весь.

Т.В.: А кто в основном в центре жил?

В.С.: В центре? Ну вот первыми поселились чехи. Первая семья - это были чехи, вот. А потом здесь жили, вот Антоновка, Даниловка и там было имение Люстихов – немцев, которые... у которых работали наемные батраки. Это были украинцы, русские. Как-то... А татары вот уехали отсюда, татар здесь очень мало было, хоть название... А название историческое сохранилось. И вот, представляете, уже сколько прошло лет с 1763 года, а Курман. Вот я приехала ж уже жить в Красногвардейское, но я до сих пор говорю: „Курман”. И все коренные жители. Видно, вот оно как-то подходит. Курман так и остается.

О.Ф.: А центр назывался как-то по-особому?

В.С.: Курман.

О.Ф.: Курман центр назывался?

В.С.: Да.

О.Ф.: А остальные, например, вот?

В.С.: А вот Антоновка - это вот, как Вам объяснить, где идет поворот на трассу.

О.Ф.: Угу.

В.С.: Автосто... заправка. Вот Вы на Петровку идете, там вот заправочка стоит. А туда идет улица такая, вдоль шоссе-ной дороги. Там Антоновка была и Даниловка. Назывались так вот по имени сыновей вот этого Люстиха. Самого Данила Люстиха, основателя этой династии. Потом, Антон – его сын, Антоновка. А вот Анновка – это уже была дочка Аня. Анновка дальше было село. А потом к Курману еще относилось Цареквичи – это вот сейчас село Ближнее, это вот тут 3 км от Красногвардейского, село Цареквичи. Там жили чехи. И была одна семья Христичей - русские или украинцы, может быть, даже украинцы. Но в основном я говорю здесь, конечно, жили колонисты – переселенцы. Потом вот они жили, но сами не могли. Вот немцы были богатые и, конечно, имели очень много земли. Сами они ее обрабатывать не могли. Ясно, что они нанимали наемных. И сюда со всей Украины и России на сезонные работы приходили русские, украинские крестьяне и часть из них тут оставалась жить. И вот так образовалось уже теперь русско-украинское население.

О.Ф.: А вот евреи где жили? Где синагога, это место называлось как-нибудь? Там что было?

В.С.: Вот не знаю.

О.Ф.: Не знаете?

В.С.: Не знаю.

О.Ф.: Не рассказывали?

В.С.: Не знаю, не знаю. Нет.

О.Ф. Лавок никогда там не было?

В.С.: Были. Вот лавки же тут, видите? И магазины.

О.Ф.: Так.

В.С.: Это уже объединения, так? А вот магазины. Вот видите, магазины.

Т.В.: Это после 17-го, да?

В.С.: Да.

О.Ф.: А это карты до 17-го или нет?

В.С.: Да-да-да. Оно.

Т.В.: Обе, да?

В.С.: Значит, часть объектов после 17-го. Значит, это до 17-го. А часть объектов оставалась и после 17-го года. И вот тут вдоль железная вот железная дорога. Вот Петровка начинается, видите?

О.Ф.: Угу-угу.

В.С.: А вот вдоль железной дороги здесь шли амбары. Вот я Вам про амбары расскажу. Вот эти амбары 1764 года. 1700-го или 800-го? Так, в каком году начали железную дорогу строить? 1800. 1874 год. Через сто лет. И вот этот амбар этого года. Это амбар Люстихов, которые вот они построили вдоль железной дороги. И Люстихи, и другие – Брауны, и другие. Кто тут у нас еще? Кого? Шаутинские. Вот. Они все строили амбары вдоль железной дороги под зерно, потому. Что вот со всей этой округи привозили сюда зерно и сразу здесь грузили его на товарные поезда и отвозили в Россию, в Украину. Ну, по Российской империи. Возили даже за границу. Вот это там амбар, я успела сфотографировать, потому, что сейчас его уже в рынок преобразовали. Ну, это же все-таки уникальное здание, которое оно сохранилось, уже более ста лет ему.

О.Ф.: А вот Вы не знаете. Синагогу когда разрушили?

В.С.: Вот про синагогу я, к сожалению, я ничего не знаю. Вот, может быть, Линевиц что-нибудь. Так у нас не зашла речь о синагоге. О православной церкви зашла речь, а вот о синагоге не зашла речь. Может быть, он... Дело в том, что уже и старожилов-то и не осталось таких.

О.Ф.: А вот из детства, которое Вы помните?

В.С.: О синагоге даже не говорили, никогда не говорили. И вообще вот, знаете, девочки, честно я Вам признаюсь. Я даже до какого-то времени, уже где-то до 7-8 класса вообще людей не различала по национальности. У нас же тогда создавался советский народ. Мы как-то вот я теперь понимаю. У нас в классе были два мальчика-еврея: Йоффе Ромка, очень умный, с серебрянной медалью окончил, и Талерман Петька. Классные пацаны. Я была такая розбишака вот и дралась, и играла. Пацаны были все у меня друзья. Я любила мужские, пацаньи игры вот. И вот эти парни, я запомнила, они были очень хорошие. Вот чтоб у нас сдразнили, говорили вот „еврей”... Я даже не понимала, что у них другая вера, что они совсем другие.

О.Ф.: А что имена у них странные, никогда не задумывались?

В.С.: По фамилиям?

О.Ф.: Да.

В.С.: Ну, вот я говорю, уже в старших классах я стала понимать, что это люди другие. А? Только руками ничего не трогать. Давай, вот. Что фамилии у них разные. Другие, не такие, как у нас. Вот. Что, ну что еще? Ну, вот в гости мы ходили как-то, у них образ жизни другой.

О.Ф.: А какой, вот жизнь у них в чем-то были отличия?

В.С.: А вот у Ромки я на Дне рождения у него была. У него родители: отец был агрономом, а мама была учительница вечерних классов. Броня Моисеевна. А отец, я уже даже забыла, как его звали. Отец его умер. Во-первых, очень чистоплотная семья, очень чистоплотная семья. Во-вторых, на что я обратила внимание, что очень так, как на Дне Рождения было, очень много рыбных блюд, очень много рыбных блюд было. Причем такие разнообразные, про которых я даже названия их не знала. У нас мясо, картошка, знаете, такое вот, простая пища, а у них были изысканные, вот. Красиво накрытый стол. Я

запомнила это вот. Ну, и такая ну ж семья интеллигентная, ясно и понятно. Вот. Очень чисто, красиво. Так, значит, положительные отношения детей ко взрослым. Я заметила, нет грубостей в семье, нет. И сам Ромка был такой деликатный мальчик, он даже ухаживал за мной немного в старших классах. Но я любила другого. Вот это я помню из своих таких детских воспоминаний.

О.Ф.: А вот в плане обстановки?

В.С.: Обстановка. Хотя у меня же отец работал в райкоме партии, вроде бы мы тоже не из бедной семьи были. Мама была бухгалтером у меня. Но они жили богаче. Но они, конечно, жили в „Дружбе народов”. Там больше платили, во-первых. Он был агрономом, отец его. Ясно, мама, конечно, получала маленькую зарплату, а отец большую. И они же в конце года получали еще доплату, „копейки” мы это называли. Доплату за каждый месяц там платили, но в общем выходила довольно приличная сумма. Поэтому у них уже был радиоприемник, у них был мотоцикл с коляской, вот. У них, значит, что еще? Обстановка лучше была. У нас еще, знаете, плетеная мебель была, железные кровати, а у них уже были деревянные, я заметила. Это начало 60-ых годов. То есть они жили более зажиточно. Но не потому. Что они евреи, а потому, что отец высокооплачиваемый был. У них дом красивый был. Они жили на Петровке. Асфальтировано на улице было, розы. В палисаднике цвели цветы, вот я заметила. В общем, у меня хорошее впечатление осталось от этой семьи.

О.Ф. Вы дружили?

В.С.: Не сильно, а потом стали приятелями. Когда я стала учительницей.

О.Ф.: Ага. А вот Вы не видели каких-то книг на еврейском языке?

В.С.: Еврейских не помню.

О.Ф.: Не помните?

В.С.: Нет. Не помню. Но книги. Конечно, были, мы все тогда читающие были. Очень много читали. Но тогда, как раз это начало 60-ых, еще домашних библиотек много не было. Но у них книги были, конечно. Не обратила я внимания.

О.Ф.: А вот на каком языке они все время, на русском?

В.С.: На русском говорили.

О.Ф.: Может быть, они еще на каком-то языке говорили?

В.С.: Не говорили.

О.Ф.: Не говорили, да?

В.С.: Не говорили.

О.Ф.: А пожилые вот евреи?

В.С.: А пожилые вот евреи наверняка говорили. Ну, вот даже у меня была, она и сейчас у меня подруга, моя учительница Мария Йосифовна Беркович. Она сейчас живет в Израиле. Она была моя учительница, а потом я учила ее Диночку. Мы стали подругами. Она на двенадцать лет меня старше. Вот. Так вот эта Мария Йосифовна сама возмущалась, что она не знает иврита. Потом уехали в Израиль и вот Дина приезжала в прошлом году, приходила ко мне в гости, дочка, моя ученица. И она говорила: „ Вы знаете. Очень плохо, что даже там, в Израиле, мы можем не знать языка и спокойно прожить всю жизнь.” Потому что в Израиле тоже все говорят на русском. В аптеке, в магазине, на улицах, в троллейбусах. А она учительница, Дина, учительница математики. Сейчас они там прожили четыре года и через четыре года она наконец-то и сумела добиться стать учительницей, причем воскресной школы. Это русская, ну, так их называют „русско-еврейская”. Это такая школа ужасная. То есть дети там, особенно математику, не учат. Не трубуется от детей ничего. Не учишься, так не учишься. Только уже в старших классах от них начинают требовать. А наши же привыкли к более такому... Вообще же евреи - умные люди, они привыкли, чтоб их дети много знали. Хорошо учились. И вот они нанимают учителей, которые их учат математике. Сама Мария Йосифовна тоже математик и она подготавливала нашего кандидата математических наук, чтоб он там поступил в институт. Потому что наши дипломы там не считаются. И вот

кандидат метематических наук, он проходил курс, чтобы потом поступить и там получить образование на иврите.

О.Ф.: А Вы вот не слышали еще про тех евреев в Вашего детства, что какое-то время они не работают?

В.С.: Нет. Понимаете, я так думаю, что вот эти евреи, вот Йоффе – это же были коммунисты. Они же эту советскую власть... Это были атеисты. Поэтому, может быть, потом уже это как-то началось. А тогда. Что Вы! Они тогда были такие завзятые коммунисты, какие там!.. Ну вот, сейчас я Вас расскажу случай, раз вы вспомнили. У меня была соседка, я ж жила на Петровке. Сейчас я живу в Красногвардейском, а то я жила на Петровке. И у меня соседка по площадке Механик...елки-палки, имя-отчество вылетело из головы. Прекраснейшая женщина. Дора Моисеевна! Так вот Дора моисеевна, мы с ней в очень хороших были отношениях. Свету я учила, ее дочку. Вот. Так вот я... Мы же по очереди моем лестницу. А когда мы моем? В субботу. Да? Когда мы моем лестницу? В субботу. А у нас только две квартиры на площадке. И вот я же знаю, что я дежурная в эту неделю. Только в субботу выходить, а Дора Моисеевна уже помыла. Я: „Дора Моисеевна, Вы почему помыли сегодня лестницу, я в эту субботу должна мыть лестницу”. А она: „Нет, Валентина Михайловна, в субботу мыть нельзя. Я помыла в пятницу”. Так я уже стала мыть в четверг, чтоб она не помыла в пятницу. Потому что у меня двое маленьких детей, а она работала в регистратуре в больнице. Женщина постарше меня, ей сейчас семьдесят лет. Вот я думаю, что же это каждый раз она вместо меня моет. Неудобно было. Так вот это я тогда впервые узнала, что для них суббота - это святой день. Что в субботу они не работают.

О.Ф.: А вот смотрите, сейчас Вы говорите, что на Дне Рождения были рыбные блюда. То есть что-то они соблюдали? Все-таки соблюдали что-то?

В.С.: И они очень любили и любят рыбу.

О.Ф.: А почему вот они не едят мясо?

В.С.: Они мясо едят. Куринное в основном, в основном едят куринное.

О.Ф.: А свинину?

В.С.: Свинину? Лучше говядину. К Марии Йосифовне... Уже мы потом на день рождения к Марии Йосифовне постоянно ходили, а она к нам ходила. То есть у нас была эта компания. Так вот у Марии Йосифовны обязательно был курник – это такой пирог из курицы, вот. Обязательно. Три фаршированные рыбы были у нее, так. Вот. Фаршированная рыба, жаренная рыба, вот, и, ну, соленая селедочка какая-то. Обязательно два-три рыбных блюда у нее было. Обязательно.

О.Ф.: А пили что?

В.С.: или мы вино. Ну, у нас женская компания. Пили вино. Ну, вот Иммануил Захарович, Марии Йосифовны муж, агроном, садовод, виноградар. Он делал прекрасное вино из винограда. Из лидии, из еще какого-то сорта. Очень вкусное было из яблок. Очень вкусное домашнее вино. Непьющий Захарович.

О.Ф.: Вино делал, а сам не пил?

В.С.: А сам не пил. Вот чуть-чуть выпьет и все. И дети непьющие. И Леня, и Дина. Евреев пьющих очень мало.

О.Ф.: Еще такой вопрос. Может быть, вы слышали, я не знаю, пар у евреев еще пели песни вот?

В.С.: Мария Йосифовна вообще ж иврита не знает. А родители ее тоже были учителями начальной школы в Курмане. Я еще ходила, помню, записывала их воспоминания, когда я ребенком была. Мы же тогда тоже поисковую работу проводили, вот. Ну, вот, видите, на эти темы вообще не говорили. Мы говорили о чем? Установление советской власти, о воспитательной работе в школе, о знаменитых наших выпускниках. Вот такое. А вот национальное, сейчас только начинается такой вот интерес к национальности.

О.Ф.: То есть Вы не слышали этих вот песен?

В.С.: Они не говорили вообще на иврите. Они его не знали.

О.Ф.: А свадьбы? Могли жениться евреи на русских?

В.С.: Вы знаете, вот это проблема была. Евреи все-таки искали себе среди евреев.

О.Ф.: А почему?

В.С.: Ну, вот я так понимаю, что все-таки это был запрет, потому, что они не хотели размывать вот этой национальности своей. Вот Дина, моя выпускница, она такая нежная, такая приятная девочка во всех отношениях. И внешне, и она такая нравственная девочка. Она не могла выйти до двадцати восьми лет замуж. Вот не могла. Уже Мария Йосифовна с Иммануилом Захаровичем объездили весь Крым. Они искали для нее жениха. Потому что вот она с высокими требованиями была девочка. Тут мы уже ее пытались засватать за своих одноклассников. Нет, Мария Йосифовна категорически была против. Надо, чтоб он соответствовал ей. Ну. Вот она ей все-таки нашла мужа, у своей однокурсницы нашла. Вот он историк тоже.

О.Ф.: То есть родители нашли?

В.С.: Родители нашли. И они поженились.

О.Ф.: А свадьба у них была обычная?

В.С.: Ну. Я не была на свадьбе. Потому что, во-первых, свадьбы не было, сначала они просто расписались. Причем Дина уже была беременна и она даже не хотела расписываться. Говорит, одиноким лучше платят. Конец 80-ых, уже трудности такие были. Ну, Игорек у нее очень хороший. Просто расписались.

О.Ф.: Так он еврей или нет?

В.С.: Он еврей наполовину, наполовину. У него мать еврейка, а отец русский. То есть он не совсем еврей. А вот моя подруга, я Вам сейчас еще расскажу про евреев. Моя подруга, коллега моя, Тамара Антоновна Беркович вышла замуж за еврея. Марик он был коренной из Климова. Вот можно Вам с ним... Он тоже немного обрусевший. Он настолько обрусевший, что он тоже языка не знает. Мать у него была завзятая коммунистка-атеистка и все такое. А отца почему-то... Отец либо умер, либо бросил. Либо рано умер. Как-то вот я не знаю этого. Но они из Климова. Так вот и поженились. И вот у них две девочки уже взрослые и сейчас уехали в Израиль. И вот там только они выучили язык, в Израиле. И вот Тамара, сама русская, наполовину русская, наполовину украинка, она хочет выучить иврит. Она же ездит на эти курсы в Симферополь два раза. Она через какое-то еврейское общество, как оно называется, я уже забыла. У нас тут в Симферополе есть еврейское общество, вот она через это общество в Израиль ездила. Там с экскурсией, ну, и детей, конечно, навестила, вот. Она говорит, что вот как-то у нее мелькнуло. Конечно, разный менталитет ее, украинки, и его, еврея. Вот иногда она вот чувствует дискомфорт, хотя Марик – прекраснейший.

О.Ф.: А чем, она не сказала?

В.С.: Она не сказала, а я не стала допытываться. Ну, не буду дальше Вам откровенничать, а то что это я должна о чужих людях Вам такое говорить, такие уже интимные подробности, вот. Но Марик он как человек замечательнейший. Он всегда пойдет навстречу, он всегда легкий на подъем. Тамаре он подчиняется во всем. Ну, правда, иногда выпивает. Он работает, работал шрофером, механиком. Понятно, такое окружение его. Но хозяйин, отец: девочки его обожают. Тамара более строгая такая. Девочки ее любят, но боятся. А Марика они просто обожают. Они такие стихи о нем пишут. Вот Катя, младшая, пишет и присылает сюда стихи из Израиля. И Тамара вот нам зачитывает и прямо горит вся, что вот такие замечательные.

О.Ф.: Его родители приняли ее легко?

В.С.: Вот мама, я ж вам гшворю, она обрусевшая. Она. Наверное, себя даже е ощущала еврейкой, потому, что она... Я ее-то видела несколько раз, когда она уже была глубокой и пожилой женщиной. Они ее сюда забрали на Петровку из климова, потому, что она уже не могла зас обой ухаживать. Она тут несколько месяцев прожила. Ну. Как вот Тамара рассказывала, что они с ней были в хороших, ну, не таких прямо отношениях,

знаете, приятельских. Таких, ну, общих каких-то. Но не конфликтовали. Наверное, приняла. Ну и опять же говорю, Марик – он не такой вот, ну, в этой среде они уже себя не ощущают евреями.

О.Ф.: А были вот такие, которые говорили, что они евреи?

В.С.: Были. Вот я еще об одной семье Вам могу рассказать.

О.Ф.: Расскажите.

В.С.: Тоже учительница. Она еврейка чистокровная. Причем из интеллигентной, может быть. Даже дворянской семьи. А он наполовину, мать – украинка, отец - еврей. Она у нас была учительница музыки. Сейчас опять же в Израиле. Вот у нее сыновья, два сына. Значит, старший сын женат на русской. Старший женат на русской ире. Они уехали в Израиль. Они абсолютно без всяких вот этих... И сам этот Владимир Михайлович, и дети они вот не ощущают. А вот у Маргариты... Маргарита Наумовна, вот у нее все-таки, видно, в семье вот это ощущалось. Вот она и придерживалась. Она даже немножко язык знала. Она традиции, ну, как интеллигентная женщина, задумывающаяся, она литературу специальную читала по этому. Особенно перед тем, как уехать в израиль. Хотя тоже...

О.Ф.: какие традиции?

В.С.: Ну вот опять же пост она держала специальный по праздникам, мацу она сама не пекла, но где-то покупалае, вот. Так что вот Пасха еврейская, так? Теперь что еще? В определенные дни она с мужем не жила, в какие-то вот определенные дни. Придерживалась она вот этого. Ну, что еще... Мы с ней приятельствовали, сотрудничали. Вот видите, о скольких евреях я Вам рассказала и ни об одном у меня нет сказать плохого слова, что вот... вот мария Йосифовна тоже. Опять же к ней вернемся. Вот нас было пять человек, ее подруг. Ну, с кем-то она ближе, с кем-то дальше, тут у нее по возрасту оно, помоложе, конечно. И вот она на каждый праздник Восьмого марта из Израйля нам передает по пять долларов. Девочки, ну вот что это такое? Она там уже живет пять лет, а мы ей нужны? Мы ей письма пишем большие, а она уже катаракту перенесла, два раза операцию, она уже и не читает. А она нам по телефону звонит. Вот ей было семьдесят лет, так мы собрались. И я говорю: „Так, девки, хватит Вам придумывать, что Вы бедные. Каждый чтобы позвонил и поздравил. Потратьте, – говорю, - эти двадцать гривен, она нам пять долларов каждое 8-е марта дарит”. Все мы поздравили ее с днем Рождения. Так она... Я первая поздравила, потом Нина еще, наша подруга. Она после Нины уже поняла, что было. И она давай сама звонить тем подругам, чтобы они... Вот какая деликатная женщина! Чтоб они ей не позвонили, не потратили деньги. Вот она считает, что она более зажиточная, чем мы. Но очень щедрая. С одной стороны, экономные. Вот я Вам сейчас скажу. Вот Мария Йосифовна. Мы с ней на педсовете сидим, она говорит: „Валя, денег нету, цены растут”. Вотона все-все выписала. А она не такая вот. Я, например, деньгам... Потому. Наверное, у меня их и нет. Я их никогда не считаю. Вот они у меня есть, я тут же их могу в один день спустить, а потом буду грызть. А Мария - математик, она все рассчитает, сколько ей на что. Но если у нее День рождения, то это щедрый стол. Она не пожалеет денег, она пригласит большую компанию. Четырнадцать человек у нас каждый год на День рождения, к ней мы всегда приходим четырнадцать человек. Но песни мы пели все русские народные. Украинские народные и советские. А у нас такая песенная компания, все женщины поют, все учительницы. Поют прекрасно. И среди нас колокольчик Захарович. Вот он один мужчина, остальные – женщины. И так вот, если я, например, в более стесненных обстояельчтвах, она мне всегда деньги одолжит. Вот она первая, вот ее настоящая подруга, учительница математики, поломала рук. Мария Йосифовна каждый день, сама уже с плохим зрением, вот это 5 км утром она едет к ней подмыть. Лежит же на вытяжке, помыть, покормить. Каждый день. Вы можете себе это представить? Посторонний человек. Ну, просто подруга, не родственница. И вот как мне сказать об этой женщине? У кого-то горе случилось, мария Йосифовна первая: „Давайте, девочки, собирем, давайте материальную помощь окажем”. Вот это, вот очень активная женщина. И Маргарита такая, и другие. Вот Мария Йосифовна – это особенная, конечно.

О.Ф.: А вот праздники, вы говорите, у них были такие-то праздники свои? Вот Ваша учительница как традиционно?

В.С.: Ну. Мария йосифовна - нет. Может быть, они такие праздники отмечали где-то... Видите, вот если б у нас была колония, много, может быть, они бы как сейчас, общество бы существовало. Вот немецкая община недавно отмечала Святую Троицу. Вот они со своими традициями отмечали ее. Так, эстонцы там тоже. А в русские я вообще не вхожу. У нас так тоже что, так собираемая что-то отмечать. А такой же тогда, такого же еще не было. Может быть, сейчас они, если бы не уехали в Израиль, может быть, они бы это еврейское общество создали и, наверное. Они бы что-то традиционное проводили. Тогда – нет. Тогда мы все проводили советские.

О.Ф.: А вот какой-нибудь из праздников еврейских знаете?

В.С.: Ну, только что по фильмам смотрю. Вот название, всегда забываю название. Вот, может быть, Вы смотрели этот фильм? Когда девочка приехала в Израиль и попала в такую семью консервативную, где мужчины ноги моют женщинам, целуют их, на руках носят. Как-то в круг становятся. Вот это только то, что я видела, вот. Ну, я даже не читала такую вот специальную литературу вот о традициях каких-то.

О.Ф.: И мацу в советское время евреи не ели?

В.С.: Ну, я не знаю. Вот в последнее время уже ели. (кому-то)Здравствуйте, открыто, Вы хотите посмотреть?

(дальше чистая лента)

О.Ф.: Все, прокрутили.

В.С.: Девочки, Вам нужно сходить к Петру, к Мереминским. Хорошо, что вот сейчас мы про мацу стали говорить. Эта Мереминская, как же ее зовут, забыла. Минуточку, сейчас вспомню. Мереминские они не уехали в Израиль почему-то. И они состоят вот в этом еврейском обществе. Он этот... Давид, Давид его зовут. А как же ее зовут? Она тоже работала агрономом, па он шофером. Он даже какую-то там занимает должность в этом обществе. Поэтому они Вам все-все подробно могут рассказать. О традициях, о людях, вот Вам надо обязательно с ними встретиться. Хорошо?

О.Ф.: Да.

В.С.: На Петровке. Значит, я, думаю... Мне, не знаю, ну, если Вас Николай Иванович ведет, то он знает, они там недалеко живут. Вот это с Мереминскими вам обязательно надо встретиться. Так вот эту мацу Маргарита сама не пекла и Мария Йосифовна тоже не пекла. Им привозили ее из Симферополя. Вот в этом обществе, наверное, ее, я не знаю. Может, и из Израиля даже привозили, потому что там же она должна тоже освящаться. Хотя же в Симферополе синагога есть, но я не знаю, где она и как это делается. И вот и Тамара, я помню, как-то привозила оттуда вот мацу, мы пробовали ее. Она такая, пленочками.

О.Ф.: Угощали они?

В.С.: Угощали нас, да. Угощали.

О.Ф.: А в какое-то определенное время они едят?

В.С.: Да. У них Пасха раньше, чем православная. У них Пасха на две или три недели раньше.

О.Ф.: А называют они ее Пасхой или как-то по-другому?

В.С.: (пауза) Наверное, они называют это по-другому. И Пасха у них не такая, как у нас. У них такие пленочки просто, знаете, как коржи. Вот у них такая. И она не сладкая. У нас же обычно паска сладкая, а она такая, я бы даже сказала, немножко... Я один раз пробовала и такое впечатление, как будто она даже немножко соленая. Совсем по-другому. Ну, вот надо было мне, конечно, поинтересоваться как историку.

О.Ф.: А Вы не спрашивали. Почему такая разная Пасха?

В.С.: Нет, меня удивило, я даже спрашивала, но вот как-то не задержалось у меня в голове все это.

О.Ф.: Почему?

В.С.: Почему-то. Вот почему-то не задержалось. Но помню, что я спрашивала, конечно. И, конечно, рассказывала во время застолья, как раз на Дне Рождения. И оно уже, знаете, информация как-то не задержалась в голове. Даже не могу Вам сказать, почему.

О.Ф.: А скажите, а вот тут еще не было, не слышали Вы о таком празднике, как Кучки?

В.С.: Еврейские Кучки? Конечно, слышала. Это не праздник считается.

О.Ф.: А что?

В.С.: Это Вам сказали, что праздник, да? Ха-ха-ха! (смеется)

О.Ф. Расскажите нам!

В.С. Вот у нас же здесь как, кстати, и в Израиле, так же, как в Египте, вот весной дуют очень сильные суховеи. И вот они всегда приходится за две-три недели до нашей Пасхи. И вот как я теперь понимаю, что скорее всего, что как раз в этот день, в эти дни за две-три недели до нашей пасхи идет Пасха еврейская. У них же Бог Яхве, они его чествуют. Иудаисты, вот. Вот эти еврейские Кучки - это в простонародье так говорится об этих суховеях. Об этих ветрах. Они, ветра эти, наносят чернозем, снимают весь вот этот водородный слой и прямо его наносят. Когда у нас здесь не было еще Северо-Крымского канала, у нас в 50-ые годы... Вот я в Курмане живу с 53-го года. И я помню, воспоминание детства у меня, что вот в марте месяце всегда такой дует сильный ветер, что земля доходит вот до подоконника. Вот такие кучи. И вот эта трасса, эту трассу Симферополь-Москва строили пленные немцы. И мы, тогда еще не было лесополос, потом вот стали насаживать много стали деревьев, чтобы задержать немного эти ветра, чтобы немного не сносило так плодородный слой. Так вот эта трасса полностью была занесена вот этим черноземом. И я помню, мы туда бегали и с этих горок катались. А в своем доме мы жили и вот до подоконника было вот этого чернозема. Столько наносило, вот такие сильные дули ветра. И вот это тогда еще с детства я помню это название „еврейские кучки”. Вероятно, так люди говорили потому, что тогда вот этот чернозем наносился и так говорили. Но я знаю, что в это время как раз еврейская Пасха. И вот каждый год, ну, вот в этом году таких сильных ветров не было. Но вот каждый год перед нашей Пасхой за две-три недели начинаются сильные ветра – суховеи. Вот отсюда, я думаю, происходит это название „еврейские кучки”.

О.Ф.: А вот почему „еврейские”?

В.С.: (Пауза) Ну вот, наверное, раньше ж люди знали, что Пасха еврейская. А „кучки” называли потому, что наносило кучи чернозема. А в это время проходил еврейский праздник Воскресения Бога. И вот, вероятно, я думаю, отсюда происходит вот это название „еврейские кучки”. Так я, просто я сама сделала такой вывод. Это вот этот период 2-3 недели перед Пасхой, когда веют суховеи и наносятся просто кучи земли. Сейчас вот это так не видно, потому, что наносятся лесополосы везде. А тогда вот, я Вам говорю, в 50-ые годы, в начале 60-ых годов целые кучи чернозема были нанесены этим суховеем. А в это время проходил праздник еврейский, а евреев же тут много было. Люди наверняка же знали, что это праздник, все равно, как бы там... Вот я помню, что на Пасху всегда у нас проводился вот воскресник в школе. Это я помню, я вот в Курманской школе училась. И всегда на эту Пасху дети приносили и крашеные яйца пасхи. Вот мы поработаем, поубираем вокруг школы, садимся есть пасхи и бить яйца. У кого крепче еще: попкой, передком бем.

О.Ф.: Угу.

В.С.: Я не знаю, сейчас дети бьют так или нет, а мы били. Вы не бьете?

О.Ф.: Бьем. А родители что делали что делали вот на эту Пасху?

В.С.: Родители? В воскресенье... Ну, кто как. Может и для родителей проводились воскресники, я вот не помню. Сама ходила на воскресники, заставляли работать именно в этот день. То есть такую атеистическую пропаганду насильственную проводили. Так же, как и церковь разрушили. То еть идеология велась.

Т.В.: А Вы своей пасхой угощали своих подруг?

В.С.: А у нас только мальчики были вот в классе два.

Т.В.: Да, и вот как они? Вместе с Вами?

В.С.: Да! Они мацу не приносили, вот я не помню. Я помню, что все вот... У меня в семье не пекли, конечно, родители же были коммунисты, это бабушка пекла. Бабушка мне давала, да, а родители – Боже, спаси.

О.Ф.? А они ей не говорили, типа „что ты делаешь“?

В.С.: Не-а. Мама вообще у меня такая, я Вам скажу... Отец у меня был, конечно, настоящий коммунист. А мама спокойно относилась. Меня бабушка крестила в пять лет случайно. Родители ж меня не крестили. Я к бабушке поехала в деревню, а была ж, я горю, какая. Оторви и выброси. И мы пошли с бабашкой на похороны. А священник отпевал покойницу. Мне ж пять лет было. Я ж так как самая активная, смотрю, то поп всем дает целовать крест. И я самая первая целовать этот крест. А соседка бабушкина говорит: „Батюшка, девочка целует крест, а она некрещенная“. Как прицепился священник к бабушке, как это Вы не покрестили. И бабушка пошла у соседки, там мы в другой деревне были, взяла буханку хлеба, три рубля одолжила и меня покрестили. И я помню, как меня крестили. Сказать?(Смеется) Такой большой таз был, все ж младенцев крестили, а я ж уже большая. Вот. Раздели нас. Этих младенцев прямо окунали туда в этот, а меня... Голову наклонила и вот так он мне лицо, голову, там покрестил, одел крестик. И мы пошли в свою деревню 3 км. Приходим домой, и бабушка говорит: «Валя. Ни в коем случае (в воскресенье родители должны были приехать) не говори, что я тебя покрестила, меня ж Михаил (отец мой) убьет. Мама – нет, отец убьет». – «Ну, бабушка, честное-пречестное, конечно, не скажу!» И только родители на порог, я этот крестики «Мама, папа, меня покрестили!» (Смеется) Отец месяц не разговаривал с бабашкой, так он сердился. А дело сделано. Так я стала крещеной.

О.Ф.: А крестик?

В.С.: А где крестик? Он как-то потерялся.

О.Ф.: Но вы носили? Или заставил снять?

В.С.: Я носила. Не заставил, сам-то был крещеный, конечно.

Т.В.: А где это произошло? Где бабушка жила?

В.С.: Где бабушка жила? А вот сейчас это Джанкойский район уже, девочки.

Т.В.: Ага, то есть Вы там, да?

В.С.: Ну, это к нашему району тогда относилось, тут 20 км было такое село Рубиновка. А вот где мы жили – Креток-Камянка, его уже нет, снесли. Осталось только кладбище и его так, там уже, наверное, и могил не найдешь. Ну, бабушка тут у нас похоронена.

О.Ф.: Но Вы знали тоже, что отец крещенный, да? Несмотря на то, что он атеист?

В.С.: А он же еще родился в 21 году. Отец, конечно, его крестила бабушка еще в Курске. Маму-то, она 27-го года, тоже крестили. Тогда еще в 20-ые годы такой борьбы с церковью не велось. Это же началось уже в 30-ые, а у нас вот до 57-го года дожила оwt церковь, понимаете? Только в 57-м году у нас ее разрушили.

О.Ф.: А вот про... Спросить вот? У Вас кладбище вот здесь в районе, оно одно или несколько?

Т.В.: Народы-то разные, а кладбище?

В.С.: У нас, ну, у нас тут вот... Тут у нас сейчас в поселке, у нас только сейчас православное кладбище и рядом мусульманское. Ну, так я понимаю, что, конечно, старые захоронения есть, они просто потерялись. Люди-то поужезжали, немцы же уехали, их же в 41-м репресировали и вывезли отсюда в 41-м. Значит, болгар, греков вывезли в 44-м. Вот и они же уехали, а эти могилы потерялись. Поселки у нас вот... Я вот что-то... надо вот, я же часто хожу на кладбище, надо мне у смотрителя спросить. Вот хорошо, что Вы мне задали этот вопрос, девочки. Спасибо Вам!

О.Ф.: А про еврейское Вы не слышали ничего?

В.С.: Про еврейское кладбище? Вот это у нас могила вот здесь в парке, памятник. Там у нас расстрелянные евреи похоронены. Вот немцы когда зашли, не все ж евреи успели эвакуироваться. И вот они сразу же хватали евреев и вот... Вы вот с Кружиловой не разговаривали еще? Нет, да? Вот она, рассказывали мне эти женщины... За Петровкой за кладбищем был противотанковый ров и там их расстреливали. И вот эти женщины плакали и рассказывали, что вот наегозина Маня первая комсомолка наша была. Вот. И она не успела эвакуироваться. И она была с десятимесячной девочкой на руках. И вот немцы их расстреливали, и один фашист девочку прямо штыком проткнул. А их расстреляли. Но там не только евреи были, там был и Бережновой там начальник нефтебазы расстрелян был. Там люди были расстреляны и других национальностей. Но в первую очередь, конечно, евреев расстреливали или отправляли...

О.Ф.: А, может, еще помните там по детству, как вот, не было вот, что евреи хоронят как-то необычно?

В.С.: Нет. У нас же тут евреев после войны не так много было в поселке.

О.Ф.: Может, рассказывал кто-то?

В.С.: Ну, я даже как-то не... Ну, вот Марья Йосифовна хоронила свою мать по христианскому обычаю. Вот Марья Йосифовна, они же евреи оба. Отец умер раньше, и как отца хоронили, я не знаю, но вот как маму хоронили, я же была на похоронах. Ее по обряду христианскому хоронили.

О.Ф.: Вы не знаете, как евреев хоронили?

В.С.: Евреев же, по-моему, их же как у арабов, не держат ночью, их сразу хоронят, в этот же день. Потому что в Израиле жара стоит, как и там. И их же до захода солнца надо похоронить. А ее держали ночью и Библию читали там женщины, не священник, конечно, а женщины. То есть они похоронили ее по-христианскому. Хотя, может быть, что-то туда положили ей, я даже не знаю. Может быть, что-то и положили. Я не знаю, как у евреев как, что-то кладут туда или нет. Но хоронили ее по-православному обычаю. А вот как уже Маргарита хоронила свою мать там на Алтае, я не знаю. Что-то даже не зашла об этом речь, во-первых.

О.Ф.: А поминать, не поминают?

В.С.: Марья Йосифовна поминала. И Маргарита поминала. Вот надо Вам поговорить с Мереминскими, девочки. Вот это я Вам дала, вот это очень хороший будет... Вот это люди коренные, у них тут и родители жили. Во-вторых, они придерживаются сейчас. Во-третьих, они входят в эту общину сейчас еврейскую. И они Вам все подробно, может, у них были. А этот ее Давида вот младший Эдик учился со мной в одном классе. Эдик...

О.Ф.: А на кладбище они тоже носили то же, что и все, да? На могилы?

В.С.: Да, да.

О.Ф.: А что?

В.С.: Конфеты, печенье, вот. Поминальное, как и мы. Вот еще у нас одна - это Женя Алимова (Федорова). Она, правда, скрывает, что она еврейка.

О.Ф.: Как Вы думаете, почему?

В.С.: Ну, при советской власти она хотела сделать карьеру партийную. Так я понимаю, что, наверное, в эти 70-80-ые годы как-то евреев не очень-то в этом... чувствовали. Наверное, я так думаю. Она переменяла даже паспорт, она стала украинкой. Хотя мама... А мама была со мной в приятельских отношениях, мы соседями были, в соседнем доме. И она мне говорит, хорошая женщина была, вот Женька - сволочная. Вот это первая сволочная, но я думаю, это не от национальности. И это вот она по жизни такая. Она всех подставит, обманет. Но с другой стороны, вот если ей нравится человек или она имеет от него какую-то корысть или в каких-то хороших отношениях, поможет всегда, поможет. Но в то же время потребует, чтобы ей помогли. Вот Марья или Маргарита, они бескорыстно сделают помощь, а Женя - нет.

О.Ф.: А что ее мама говорила?

В.С.: Так вот мама мне, как-то мы заговорились на улице с нею, она уже как-то прибалывала сильно и она говорит: «Ну Женька, ну Женька! Вот же хочет, - говорит, вылезти в обком комсомола. Изменила паспорт, сделалась еврейкой, этой... украинкой, чтобы сделать каьеру комсамольскую.

О.Ф.: Маме это не нравилось?

В.С.: Маме это не нравилось, да.

О.Ф.: А вот странно, ведь у вас был этот еврейский колхоз и там же у вас был

В.С.: Председатель еврей! И все специальности, многие были евреи: главный бухгалтер, главный экономист, главный агроном, главный инженер, главный гидротехник, агроном-садовод, агроном-виноградар. Это все были евреи.

О.Ф. И все равно было трудно делать карьеру?

В.С.: Партийную! Она хотела сделать партийную карьеру. А такую – нет, они всегда и в других колхозах были евреи. Но не так много, уже после вот в 70-ые годы уже не так много у нас здесь. Вот до войны у нас четвертая часть населения нашего района былт евреи. Четвертая часть населения, 44% даже были евреи. И они тут советскую власть устанавливали. У нас первый секретарь райкома партии был еврей. Председатель райисполкома был Бородянский - еврей вот. Ну, то есть они многие занимали и партийные, и советские должности. А вот после вот в 70-ые годы, я не знаю, с чем это было связано. Наверное, это был какой-то негласный запрет, потому, что... Может быть, в связи с сионизмом, с созданием израильского государства. Вы же помните, что все первые лидеры в Израеле – это же были выходцы из Советского Союза. Они же все здесь получили образование, все же здесь были советскими евреями. Вот.

О.Ф.: И получается, что до войны все ведущие посты в колхозе евреи, да, занимали?

В.С.: Да.

О.Ф.: А почему?

В.С.: А я не знаю, почему. Потому что я же говорю, 44% населения нашего было еврейское в нашем районе. А район назывался Тельмановским по имени Тельмана, Первого секретаря коммунистов Германии. Вот, потому, что у нас немцев было много. И тогда же с Германией в 30-ые годы поддерживали хорошие отношения. А Красногвардейским наш район стал в 45 году. Так что он был Курманский в составе в начале вот Перекопского уезда, потом с Бию-Конларским подчинялся вот Бию-Конларскому. Потом он стал Тельмановским вот в 35-м году. А 45-м он стал Красногвардейским, вот. Вот так вот. Мереминские Вам много расскажут, если Вы встретитесь. Я Вам просто рекомендую, девочки.

Т.В.: Хорошо, спасибо.

В.С.: Вам очень много расскажут и по истории колхоза, и по истории еврейского движения, потому, что, во-первых, это образованные люди, а во-вторых, это люди, которые, я так понимаю, они сейчас этим занимаются. Наверняка они что-то могут лучше рассказать, я вот наболтала чего попало. (Смеется)

О.Ф.: А Вы нам еще не расскажите про Егудина?

В.С.: Про Егудина?

Т.В.: Да, вот папочку...

В.С.: Ну, вот папка у меня есть. Вот она.

Т.В.: Сейчас посмотрим, сфотографируем. А потом...

В.С.: ...из Горловской области, вот. А большинство евреев переехали из Киевской области. У них же была черта оседлости. Евреи же не везде могли селиться. Но когда вывезли отсюда вернее, выехали отсюда татары, просто тут столько было много места. И тогда решили всех приглашать. Если уже эстонцев приглашали, немцев приглашали, то что говорить о евреях. И они поехали. Это были бедные евреи, богатые не ехали сюда. Сюда ехали те бедные евреи, которым было нечего терять. Вот они сюда переезжали. Это были в первую очередь бедные евреи. Вот Вам... Если вот Вам поговорить с

Мереминскими, теперь вот с этим же Мариком Берковичем. Вот мать его была очень бедная женщина. Вот как они, он наверняка знает, как они переехали.

О.Ф.: А вот чем они здесь в первую очередь занимались, если вот вы говорите, они бедные были, когда переехали?

В.С.: Ну, вот они были арендаторами, но они же предприимчивые люди. Потом они начинали, становились извозчиками, вот тут же перевозили зерно. Вот, они становились извозчиками, они всегда мелкой торговлей какой-то занимались. Вот.

О.Ф.: То есть не чернорабочие, как вот украинцы и русские?

В.С.: Чернорабочими работали, конечно, но не так, конечно, как русские и украинцы. Батраками среди евреев... Но, наверное, тоже были. Но, наверное, не так часто. Вот это надо с ними поговорить. Так, что я Вам могу показать, девочки. Вот Егудин еще молодой. Это в «Огоньке» о нем большая статья. Это его дети, вот его семья. Это его средний Виктор, вот который здесь, с которым я Вам говорила. Вот Светочка умерла, царство ей небесное. Такая девочка! Кстати, коренная наша. Мать армянка, а отец Вышинский, не знаю, ну, еврей. Вот это старший Владимир. Вот это сам Илья Абрамович, Елизавета Михайловна – прекраснейшая женщина, умнейшая. Это Мишка у них, самый безалаберный. Это Виктор, это вот его жена Галя, вот. Мишка тогда еще, Мишка, кстати, на русской женился. А Галя вот я не знаю. Она говорит, что русская, но вот есть в ней что-то еврейское, конечно. Она. Может быть, не чистая, но мне кажется, что она...

О.Ф.: А как это можно определить, по внешности?

В.С.: Она красивая женщина. Еврейки же красивые женщины.

О.Ф.: А-а-а.

В.С.: Вот. Она вот что-то в ней все-таки... она непростая женщина. Вот я с ней работала, она медсестра. Я работала заведующей садиком, а она – медсестрой. Что-то в ней такое непростое есть. Вот у евреев же есть такая вот хитринка, она присуща этому народу. У нее тоже есть это. Не всегда скажут то, что думают. А вот характеристика Елизаветы Михайловны. Смотрите, 35-го года. Так, ну, вот это все его регалии. Вот это.

О.Ф.: Что вообще о нем говорили люди?

В.С.: О Егудине?

О.Ф.: Да.

В.С.: Егудина очень уважали, очень уважали. Боялись, потому. Что он строгий был. Он мог наказать человека за мелочь какую-то. Но и в то же время, если человек был достойным, хорошо трудился, он всегда отметит и денежной премией, и наградой. Но он, конечно, был и сам трудоголик. Он работал с пяти утра, наверное, до двенадцати ночи. И так же он требовал, дисциплина у них суровейшая, порядок был великолепнейший в его колхозе. Он был очень строгий человек, но справедливый. Вот так, такое мнение о нем сложилось.

О.Ф.: А как он стал вот председателем?

В.С.: А вот он был комсомольцем и он сразу показывал такие организаторские способности. Где-то у меня есть его фотография совсем молодого, когда он только стал председателем колхоза им. Молотова. Ему было 28 лет. Вначале он был председателем НТС нашей курманской. А потом вот бригадиром был в этом колхозе Молотова. А потом его бригада была передовой. И, наверное, некому было работать, я не знаю, как это произошло. И вот он стал председателем колхоза. Самым молодым был председателем, тогда все же молодыми начинали. Карьеры делали тогда, конечно.

Т.В.: А Вы не знаете, где он получил образование?

В.С.: А у него не было образования, у него четыре класса образования. И вот он даже нигде не учился, я Вам скажу. Но вот такой самородок, вот просто от Бога ему дано, что он практичным своим умом, практикой, трудолюбием, сметкой вот такой вот своей... Он просто глыба. Он же был депутатом Верховного Совета. Он был депутатом всех съездов и украинских, и московских. Сюда приезжали и делегации, сюда и Хрущев приезжал. Вот я сама лично с Хрущевым здоровалась. Да, вот он приезжал сюда Хрущев к

Егудину. Приезжали сюда столько делегаций... Вот я работала и работаю в Петровской школе и мы каждую неделю принимали какую-то иностранную делегацию. А то и два раза на неделю. Каждую неделю приезжали иностранцы к нам за опытом.

О.Ф.: И никогда не всплывала вот его еврейскость? Что вот...

В.С.: Все гордились, что он такой еврей.

О.Ф.: А «все» это кто: евреи или вообще?

В.С.: Мы гордились. Мы знали, вот я знала, что он еврей. Вот как-то про Йоффе я не знала и про Тейлермана. И даже у меня в голове не это... Я же говорю, только в старших классах мы стали как-то... Не то, нет. А знали, что... Откуда мы знали? А вот я даже не знаю, как это происходило, вот как это произошло, как это я узнала, что это Егудин. Но это уже, конечно, во взрослой жизни. Что это такой умный еврей. Такой умный и такой авторитетный. Вот я не знаю, как.

О.Ф.: Но все были всегда довольны или были?..

В.С.: Им?

О.Ф.: Да.

В.С.: А разве могут руководителем все быть довольны? Нет, были люди недовольные. Во-первых, те, которые плохо работали. Он же требовал, я же говорю, он был трудоголиком. И он был жестким таким руководителем. И он также жестко относился к людям, но в то же время справедливо. Вот поэтому, конечно, были недовольные. Кого-то он лишал дополнительной оплаты, кого-то он штрафовал, кого-то он вызывал на ковер. Это не то, что вот со мной тут поговорить. К Егудину шли – поджилки у всех тряслись. Когда он говорил, муха пролетит – слышно. Вот. Поэтому он такого сталинского типа был Егудин. А вот с Елизаветой Михайловной не пришлось об этом поговорить, но я думаю, что и она его боялась.

О.Ф.: А вот после 70-ых и когда, Вы вот говорите, что вот как-то...

В.С.: 80-ых.

О.Ф.: Да. Прижимать стали. Отношение к нему поменялось или нет?

В.С.: Нет.

О.Ф.: То есть его это не касается?

В.С.: Нет. Но у него иногда вот... У нас же руководители обкомов менялись, все еще зависело от личности человека. Знаете. Психологически вот. У меня самой отец был председателем колхоза. С кем-то он ладил, с кем-то он не ладил. Это же такое. Вот я учительница и то один директор не подходит, другой не подходит. Верно?

О.Ф.: Да.

В.С.: Так вот и здесь получается, вот. Но он всегда был в почете. Он всегда на съезды, он был герой соцтруда, был четырежды орденосец Ленина, колхоз был награжден орденом Ленина. Вот они с Переверзевым, был у нас еще вот в «России» такой же мужик, они дружили. Тот русский, а этот еврей. Они еще семьями дружили. Но Переверзев рано умер. Вот. И после того, как умер переверзев, «Россия» как-то немножко спустилась, а «Дружба» стала еще больше расцветать. Его авторитет еще больше увеличился у Егудина. Вот только видите, жизнь как повернулась. Вот он где-то в середине 80-ых память и - все. И уже такой... Никто с ним не считался уже. Но просто мне, например, мне лично было жалко на него смотреть, что от такой человек, так вот. Но, слава Богу, что это недолго продолжалось. Но похороны были пышнейшие. Он зимой помер, снег лежал по колено. Людей со всего Крыма... Кто-то пришел, девочки, извините.

Т.В.: Про похороны его расскажите.

В.С.: Про Егудина?

Т.В.: Да.

В.С.: Значит... А зачем Вам про похороны? Давайте я Вам про что-то другое расскажу.

О.Ф.: Давайте!

В.С.: Зачем Вам похороны? Похороны были пышные, но он этого уже не увидел. Очень пышные. Но, знаете, все-таки я считаю, его увековечили плохо. Я, например, считаю, что вполне можно было... Вот только один квартал назвали его именем. Вот этот новый квартал, который он построил, назвали его именем. Можно было вообще всю Петровку назвать его именем. Вот. Потом, мне кажется, и колхоз можно было переименовать, назвать именем Егудина. Потому что таких людей, как он раз-два и обчелся. Вот. И, конечно, семье, я не знаю, какие-то льготы. Она, жена Елизавета Михайловна, она настолько была одинокой. Когда я к ней пошла, это в 95 году, мы открывали зал великой Отечественной войны, и я как раз пришла в 94-м работать сюда. И вот я тогда пошла ко всем. И мы с ней очень долго разговаривали. И вот одинокая, заброшенная, никому не нужная, глухая женщина. То есть такого внимания какого-то... Ну, вот как у нас всегда бывает. Пока человек нужен, пока он востребован, все его знают и чествуют. Чуть только он ушел, про него забыли и про его семью тем более. Я думаю, что у нее даже персональной пенсии нет.

Т.В.: А, Вы извините, Елизавета Михайловна она сама кто была? Еврейка или нет?

В.С.: Еврейка.

Т.В.: Она тоже еврейка, да?

В.С.: Она тоже еврейка, красивая очень женщина.

О.Ф.: Раньше?

В.С.: Да. Такая породистая женщина, она зоотехником работала. А вот он в райисполкоме работал, а она у него секретарем работала. Она... у нее память была, ну, вот это ж ей было, наверное, 83 года, когда мы с ней разговорились. Она все помнила, прямо все мелочи, рассказывала историю нашего района. Поэтому я считаю, что Егудина можно было увековечить получше, чем его увековечили. Вот. Матюшенки вот, девочки, ну, из колхозного села можно в библиотеке взять книгу о «Дружбе народов».

Т.В.: Это об этом селе? Автор Шахненко, да?

В.С.: Это Шахнюк. Кстати, с его сыном я училась вместе. Он был замредактором «Крымской правды». Сейчас он, наверное, уже умер. Вот. Так что...

Т.В.: Это о «Дружбе народов», да?

В.С.: Это о колхозе «Дружба народов», да. Это они подарили нам, семья Егудина.

Т.В.: А вот еще, Вы не знаете, почему эта часть Петровок называется?

В.С.: А сейчас Вам скажу. Вот эту землю арендовал немец Браун. Его звали Петр Петрович. И вот по имени этого немца тогда одна была улица. Вот эта Виноградная вдоль железной дороги. Мальчики, Вы там руками не трогаете? И вот по имени этого Петра Петровича, вот так, как Даниловка, Антоновка по имени вот этих людей. Они, кстати, вот Люстих, вот который тут землю имел, собственность, и Браун - они были врагами. Они ненавидели друг друга. И вот когда Люстих построил вот эти амбары, тот завидовал ему и с той стороны, чтобы люди не ходили сюда покупать в эти магазины рядом с амбарами, построил высокую стену, забор. Чтобы люди прямо обходили далеко-далеко с Петровки в Курман, чтобы люди не общались. Вы знаете, вот какая ненависть была и зависть, конкуренция. Так что вот отсюда происходит это название. А деревня, стала Петровка строиться в 1874 году, когда стала строиться вот эта ветка Лозовая-Симферополь, железная дорога. Вот тогда появилась. Там жили рабочие железной дороги на этой улице Виноградной. Сейчас эта улица называется Виноградная.

Т.В.: А когда «Дружба народов» образовался этот колхоз?

В.С.: Образовался... так, в каком? 30-ый нет. Там же много было колхозов. А колхоз «Дружба народов» в каком-то пятьдесят каком-то году, девочки. Укрупнение было в 57-м году.

Т.В.: В 57-м году, да?

В.С.: В 57-м. Значит, в 57-м году он и образовался.

Т.В.: А Вы не помните, люди каких национальностей там жили?

В.С. Двадцать две национальности жили вот в «Дружбе народов».

Т.В.: Это сейчас?

В.С.: И проживало.

Т.В.: И раньше?

В.С.: И раньше.

Т.В.: Каких?

В.С.: Ну, вот когда в советские времена, я имею в виду, когда в 57-м году начал строиться агрогородок. Не вот эти вот пятиэтажки, а там вот возле Петровской второй, Вы еще не были там? Там двухэтажки такие. С двух этажей, так что там четыре семьи проживало. Но это по тем временам, это был 67-ой год, когда началось строительство, по тем временам это было такое новшество. И эта школа – интернат была построена, и мы с этой школы бегали в ту школу на спортивные соревнования и в спортзал. Нам казалось, что школа вообще необыкновенно красивая. И вот некоторые наши одноклассники жили в агрогородке. Такой двухэтажный дом на четыре хозяина. И вот эти уже многоэтажки они стали строиться уже где-то в конце 60-ых годов. Наверное, с 68-го года. Вот я там квартиру получила в 72-м году. Но это уже были не первые дома. Но строились очень быстро. Егудин сам лично принимал каждый дом, придирался к каждому. Чтобы было качество. Когда приехала моя студенческая подруга из Москвы, побывала в моей квартире, она сказала: «В таких квартирах живут только министры у нас в Москве». По чешскому проекту строились вот эти. Концертный зал там, сейчас там протекает крыша. Я возмущаюсь, матерюсь страшно, говорю: «сволочи!» Значит, одно поколение все это построило, а второе уже просто содержать его не может, только себе в карман. Так вот там картины, вот эти картины из Петровского комплекса. Там у нас была открыта где-то, наверное, в 76-м году картинная галерея крымских художников. Там были такие шикарные картины! Приехали все эти художники, и я лично знакомилась с одной. Грес. Вы не знаете такой художницы? Людмила Грес. У нее такие натюрморты, ой, я не могла отвести глаз. Сейчас ни одной картины уже не осталось, порасхватили домой себе. Ну, потому что... Я сама себе взяла такую картину (смеется). А теперь на эти картины льется дождь, потому, что крыша протекает, и никому нет дела. А такой там у нас концертный зал, что приезжали артисты и певцы со всего мира и говорили, что акустика совершеннейшая. Там вот в центре станешь, шепотом говоришь, и всем в зале слышно, о чем идет речь.

О.Ф.: А можно вот я еще спрошу про Израиль, да вот?

Т.В.: Да. Вот Вы говорите, что часть уехали в Израиль, да?

В.С.: Да, большинство.

Т.В.: И как, им нравится в Израиле или нет? Что они о нем рассказывают?

В.С.: Вот Мария Йосифовна ... Захаровичу нравится все. Он сразу признал Израиль и сказал: «Все, я здесь чувствую себя человеком». Их сын Леня, которого здесь тягали, чуть не посадили в тюрьму за то, что он кооператив открыл, сейчас там работает. Сам этот компьютерщик, в американо-израильской фирме работает. Получает хорошие деньги, уже объездил весь мир. Он процветает, он доволен. Дина недовольна, недовольна потому, что она скучает за... Она такая консервативная более, скучает за людьми, за подругами. Она скучает за домом, она скучает за Крымом. Вот она вот сюда приехала, каждый день ходила в гости, ей не хватало этого общения, вот. И работа ее не удовлетворяет. Но вот сейчас, может, шесть часов ей дали, может, получше будет. Она работала на социалке, ложилась там в больницу, сама себя плохо чувствует, вот. Она недавно... Марья Йосифовна говорит: «Я только за Вами скучаю, ни за квартирой не скучаю, ни за Петровкой не скучаю, ни за чем». А вот за людьми она скучает.

О.Ф.: Стремилась евреи уехать в Израиль? Стремилась или?..

В.С.: Стремилась все уехать в Израиль.

О.Ф.: Почему?

В.С.: Время было тогда трудное в 90-ые шода.

О.Ф.: А там как было, лучше?

В.С.: Их, во-первых, еще завлекали!

Т.В.: Да?

В.С.: Да. Завлекали пособиями. Ну, вот пенсионеров – то пенсия сохраняется, и льготы все сохраняются. В Израиле хорошо детям и пенсионерам. Да, там евреи вообще очень любят детей, много им разрешают, поэтому дети там у них на первом месте. Вот. А вот работающим там очень тяжело, особенно на юге. Вот Мария Йосифовна и Маргарита, они живут на севере, у них климат такой, как в Ялте. То есть нормально. А вот тамарины дети живут на юге. Во-первых, война, ракеты рвутся, арабы же угрожают к тому без конца и страшная жара, страшная жара. Работают они, конечно, по семнадцать часов. Но вот что их там держит? Вот меня этот мучает тоже вопрос. Однако же есть вот¹... Но однако же дети не вернулись. Татьяна осталась. Ольга, младшая, удачно вышла замуж за нашего механика, про которого мой сосед... Я рассказывала о племянниках. Она за него вышла. Но он живет, правда, в Швейцарии. То в Израиле, то в Швейцарии. Удачно вышла замуж. А Татьяна вот без мужа, муж вернулся сюда. У Татьяны тоже муж русский, кстати сказать. Вот. И это самое, она там, конечно, не учительница, больше не работает по специальности. Ну, то есть мне кажется, что какая труднота там у них? По специальности трудно устроиться. Язык трудный, выучить очень тяжело. Климат не каждому подходит, там тяжелый климат. И все-таки менталитет у них, израильтян, отличается от менталитета наших евреев, которые русские евреи уже. Они обрусевшие, понимаете? Они потеряли уже какие-то, наверное, национальные черты. Из поколения в поколение, не живя какой-то обособленной группой.

Т.В.: Там что, соблюдать что-то нужно?

В.С.: Что?

Т.В.: Там соблюдать что-то нужно?

В.С.: Да, конечно.

Т.В.: А что, рассказывали?

В.С.: Ну, они-то не соблюдают, но у них там - да, конечно. У них же официально там... (слышно голоса посторонних). Хотят музей забрать у нас. Хотят музей забрать у нас. Тут хотят сделать²...

...Он из коренных офицеров. Отец у него был офицер и дед. Где-то на русско-турецкой войне он взял эту фамилию. А может быть, он сам из каких-нибудь. Потому, что в каждом из нас наверняка капля татарской, турецкой крови есть, ведь сколько? Триста лет под татарами. Ясно и понятно. Как там на самом деле, я не знаю, но моя фамилия девичья Сергеенкова. Сергеенкова. Меня все так преподаватель Древнего мира называл, потому, что у меня два «е» в середине фамилии. И вот мама моя составила нашу родословную по просьбе моего сына: «Бабушка, составь родословную!» Она составила родословную. В основном из крестьян. До свидания ребята. Всего доброго! (кому-то – Л.К.) И крестьян – вот это по материнской линии. А отцовская тоже, я думаю, тоже крестьянская вся. У меня нет голубой крови.

Т.В.: А по-национальному?

В.С.: По национальности? Ну, отец вот русский, чистый русский, потому, что и выхватки у него все эти. Он, правда, умер у меня рано, отец, в пятьдесят семь лет. Вот. Но он был вот такой... Вот что присуще русским? Удадь. Вот он был у меня такой удалой, азартный, вот он с нами наперегонки бегал, в жмурки играл, в жестку мы играли с ним, в футбол играли. Азартный такой был.

О.Ф.: А «жестка» - это что?

В.С.: Жестка? Ну. Что же Вы не знаете, девочки? Я играла с пацанами. Это вот берется, значит, олово, расплавляется, туда вставляются такие... Козлиная шерсть и вот так ногой вот так. Сейчас я Вам покажу. Набивается, кто больше набьет. А подпрыгивает это олово, оно же тяжелое, бьет по ноге, дай Боже! В орлянку играли об стеночку, знаете,

¹Шум в записи, нельзя разобрать текст (Л.К.)

²Конец кассеты 1, стороны В.

как? Нет? Ничего Вы не знаете! (все смеются) Берешь пятак, тогда же пятаки были желтые такие, к стеночке. А тут стоят, каждый, сколько там игроков, каждый свой пятак в горку так складывает. И вот от стеночки бросаешь этот пятак, и чтоб он попал на эту казну. Если попал и разбил, кто на орел повернулся, забираешь себе. Не достало, значит, как-то там меряешь, я уже и забыла правила. Потом начинаешь разбивать эту казну, что роворачивается на орел, забираешь себе. Что остается на решке – все. Вот что мы играли во всякие вот такие игры.

Т.В.: С папой, да?

В.С.: С папой играли. Как-то, вот как-то у нас это принято было. В лото мы играли всей семьей, у нас вот это лото ыбло. Доставали при лампе, в 61-м году только свет у нас провели, до 61-го мы при лампе. Отец у меня после войны учился в вечерней школе, причем... Я детям всегда на уроке это рассказывала. Причем тогда не такая была вечерняя школа. Учились же мужчины, учились по-настоящему, учились по вечерам после работы. Отец приходил со школы в двенадцать часов ночи. И при лампе, а мы жили: нас двое детей, мама, отец и обязательно кто-то из родственников. Либо... Все отцовы сестры три прожили у нас, пока не повыходили замуж. А потом три материнских брата. Всех они подняли, всем дали профессии, всех повыдавали и поженили. Вот такие были у меня родители, царство им небесное. Так вот, отец приходил в двенадцать часов ночи и начинал учить уроки. Вот это же он ходит по хате и бу-бу-бу – учит. В пять лет я вместе с ним выучила «Звезда...»³. Он учил это стихотворение, и я выучила его. У детей же память хорошая была. Вот так учился мой отец, потом он закончил партийную школу, потом он закончил заочно Институт сельскохозяйственный. Всю жизнь учился. Ну, не всю жизнь, но...

Т.В.: Да, и вот Вы говорили, что он был русский?

В.С.: Русский, да. А мама у меня с Чаплинки, Херсонская область, украинка. Но она вот не настоящая, это же все-таки южная губерния. Это не то, что вот Киевская, там Черниговская. А Херсонская – это же там перемешано много. Она, конечно, у нее что? Отец был более простодушный такой, более щедрый был такой. Он был такой, ну, последнее отдаст. Такой у меня был отец. Люди его, вот что мне приятно, что столько лет прошло уже, как его нет (в 77-м году он умер), а люди до сих пор о нем хорошо говорят и помнят его. Это мне так приятно. А мама у меня тоже была очень добрая. Но она была практичная, мама. Она вот это просто так не отдаст, как отец, она: так, а что семье? У нее семья была на первом месте. У отца общественная работа, а у мамы нет, семья, дети, семья, чтобы все накормлены, чтобы порядок был в семье. Хотя главным бухгалтером всю жизнь проработала. Ну, для нее работа, она легко работала, не то, что вот я. Работа, работа, детей побросали, работа! Как отец. (Смеются) А мама – нет, у нее семья была на первом месте. Очень хорошие умения были родители.

Т.В.: А она на каком языке говорила?

В.С.: Она вот на суржике говорила.

Т.В.: Да?

В.С.: На суржике. Вот, слышите, вот я даже: «хата» там скажу или что. Вот она. Бабушка у меня говорила на украинском языке, а мама вот уже говорила на суржике. Но она себя вот чистой украинкой никогда не считала, никогда. Вот бабушка, она уже украинка, конечно. Она была православная. Мама вот не в нее, она в отца, видно, пошла. Такой сильный был характер у мамы. Бабушка ыбла такая добрая, мягкая, вот она нас научила и песням, и щедривкам всяким. Мы ходили колядовать вот это в конце 50-ых по грязи. У нас же грязь была непролазная, тротуаров же не было. Я помню, на Старый Новый год не освещаются ж улицы. И мы ходим по этим улицам, щедреем, колядуем. Калоши потеряла (смеются - Л.К.), потому, что не маленькие калоши ж одевались раньше. И вот я их потеряла там. Я это так запомнила. В резиновой обуви ходили потому,

³ Неразборчивая запись, трудно определить название стихотворения.

что по грязи же по-другому не пройдешь. Вот. Так что вот у меня какие корни. Бабушка, конечно, она вот, она вот... украинский у нее. Да и мама тоже. Они вот украинские пословицы всегда применяли, поговорки. На каждый случай в жизни у них были какие-то свои. Приметы они очень хорошо знали. Очень хорошо всегда скажут: «Вот это дождь будет уже». То есть они с природой были в гармонии, жили. Вот такие у меня, девочки, корни. Но надо вот сказать, я, конечно, всегда ругаю, я мало разговаривала с родителями вот на такие вот темы. Я еще удивляюсь, то я что-то запомнила потому, что я же вся была в общинной работе с детства: и старостой, и председателем отряда, и дружины, и комитет комсомола, и... В общем, я вся была общественница. Я танцевала, ходила на три секции, я на евлосипеде каталась, в футбол играла, в жестку, все везде успевала (смеется) и на свидания ходила. Ну, в общем, я вот такая была. Несерьезная.

Т.В.: Щедривки помните?

В.С.: А?

Т.В.: Щедривки помните?

В.С.: Ой, сейчас я уже не помню.

Т.В.: Не помните, что бабушка учила?

В.С.: Нет, потому, что ходили, я же говорю, в детстве, щедровала много и все. Но, видно, все-таки это не мое. Вот я ходила на это потому, что все ходили. Потому, что у нас компания, мы всегда... Это у нас как развлечение было. Но чтоб я это... (пауза) я и не помню даже, честно скажу. Я даже и песни вот народные вот в компании. Вот сейчас начните, я продолжу (смеются). А вот сама – нет, ничего Вам не скажу, не запомнила.

Т.В.: А мама многое знала, да?

В.С.: Угу.

Т.В.: а как вы себя сами воспринимаете?

В.С.: Вот сейчас.

Т.В.: Да. Вот папа - русский, мама - украинка.

В.С.: А я русской себя воспринимаю не потому, что мама не воспринимала себя украинкой, нет. Я вот сейчас, мне нравится украинский язык мелодичный, не вот этот с западным диалектом, русским. Вот украинский - очень красивый язык. Я с удовольствием слушаю, когда Наталья Могилевская говорит. Мне очень нравится. А когда Добровольская идет, мне не нравится ее диалект. Украинская речь тоже разная, как и русский. Они же тоже с разными диалектами. И поэтому украинизация, которая сейчас наступает, она меня тревожит. Я не хочу, чтобы она была насильственной. Я вообще человек... Я не люблю насилия, когда надо мной насилие и сама не люблю. И с детства я тоже демократичная. Может, поэтому дети ко мне хорошо относятся. Вот. Ну, поэтому вот я сейчас наблюдаю, как курманская красногвардейская 1-я школа обьвила уже в «Крымскую правду», что они будут вести уроки на украинском языке. Чего Вы лезете поперед батька в пекло? Зачем Вы детей будете насильно заставлять на украинском языке? Вот как мне? Я же историю преподаю, я постоянно волнуюсь этим вопросом. Я у детей постоянно, я анкетирование провожу, то есть я занимаюсь вот такими маленькими социологическими исследованиями. Вот я спрашиваю у детей, дети вот старшие, 11 класс. Говорю: «Ощущаете Вы себя гражданами Украины?» Что я заметила, Таня, Оксана, что еще 5-6 лет назад дети больше ощущали себя патриотами Украины, чем сейчас. Вот что меня беспокоит. Представляешь, вот помню, в 2000-м году я проводила такой конкурс «Будущее Украины». И вот дети приносили сочинения, как они представляют себе будущее Украины. И делали мы рисунки для младших классов. Для старших классов мы делали сосинение, для младших классов – рисунки. И вот я помню... А потом они сами подводили итоги, какой лучший рисунок. И вот я помню, что победил рисунок девочки-шестиклассницы. Сидят два мужика-хохла с чубами-оселедцами, стоит тут у них картошка, хлеб, бутылка самогона и подпись «Гірше не буде!» Такое будет! И победил этот рисунок, представляете? Все дети отдали предпочтение этому рисунку «Гірше не буде!» А вот в этом году задали одиннадцатиклассникам вопрос: «Ощущаете Вы себя

патриотами Украины?» и большинство отвечает «нет». Представляете, какой ужас. Это же страшно! А почему? Я задаю вопрос: «А почему Вы себя не ощущаете патриотами Украины?» А они: «Что для нас Украина сделала, что нас ждет? Безработица. Без денег мы не поступим, не получим образование. Наши родители живут за чертой бедности. Вот. Мы ощущаем разрыв между богатыми и бедными, и мы не хотим так жить». Вот Вам пример из жизни, как дети ощущают себя на самом деле. А потом мы гордились, что у нас в Советском Союзе...⁴

О.Ф.: А Родина?

В.С.: Что?

О.Ф.: Родина. Родина.

В.С.: Что я ощущаю для себя Родиной? Вот Вы знаете, до сих пор я Москву своей столицей считаю. К сожалению, не Киев. Хотя Киев очень красивый, я детей два раза возила туда, когда были бесплатные поездки. Киев очень красивый. Ну, вот так вот же всегда ж я в Москву ездила каждый год тогда. И летала даже, можно же было запросто вот. Я своей Родиной, ну, вот Курман я считаю своей родиной. Я здесь всю жизнь прожила, я здесь себя комфортно чувствую. И вот единственное место, где я хотела бы жить – это Суздаль. Я объездила почти весь Союз и за границей была в Болгарии и Чехословакии, но только в Суздале мне захотелось жить. И еще знаете где? В Инкермане, Севастополе. И больше нигде. Вот в Курмане мне нравится. Хотя такой задрипанный Курман! (смеется) Я так огорчаюсь. У нас было лучше. Приходили сюда к начальству: «Ну, слушайте, хоть какие-то цветочки, ну неужели ж нельзя». Ну, хоть обрезать, ну хот замести. Ну можно ж это сделать. Никому нет дела. Никому. А ведь набывают себе карманы.

Т.В.: Да ладно Вам!

В.С.: ...Если бы я не пришла, Вы бы пришли и ужаснулись. Я вот в апреле сюда после десяти лет вернулась потому, что я чувствовала, что больше некому поднять. Заставила все вобелить, покрасить, ходила вот с протянутой рукой у всех просила, но сделали.

Т.В. и О.Ф.: Спасибо!

---

⁴ Невозможно разобрать следующий далее текст